

DOI: 10.15393/j9.art.2012.334

Аветис Сережаевич Серопян

*кандидат культурологии,
старший преподаватель кафедры культурологии и литературы,
Шуйский государственный педагогический университет
(Шуя, Российская Федерация)
serpantin58@mail.ru*

ЛИТУРГИЧЕСКОЕ СЛОВО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация: В статье выявляются художественные средства выражения богослужебного языка, взаимодействие слова Предания в литературном тексте. Литургическое слово было памятно многим русским писателям из богослужения. Изучение литургического слова открывает принципиальное значение Евангелия и богослужебных текстов как Предания в русской литературе. Авторы видели в слове сущность явления, в имени Божьем — самого Бога. Источниками некоторых суждений авторов и их героев является богослужебное слово. В статье указываются богослужебные источники поминовений и обращений героев, поэтической топики символистов, такого известного литературного афоризма, как «мир спасет красота» (Достоевский, роман «Идиот»), и др. Распознавание этого литургического кода позволяет узнавать и понимать глубинный бесконечный смысл литературного текста. Специфика русской словесности обусловлена ее стремлением к духовному — литургическому — освоению мира, в котором истина становится существующей и тем самым сбывается в литературном тексте и в истории.

Ключевые слова: литургическое слово, текст, литературный процесс, архетип, язык, красота

«**Н**есть бо на земле такого вида, ли красоты такая... мы убо не можем забыти красота тоя»¹, — к эстетическому аргументу прибегает летописец, показывая, насколько важна была эта красота неизреченная для русских людей. Русский народ получал и получает свое христианское ведение и воспитание путем созерцания красоты церковной, красоты христианского богослужения и обрядов его, чтобы войти в дух и понимание высокого христианского верования. Этот путь для нашего народа был именно тем молоком, которое, по Апостолу, и нужно давать всякому младенцу по духу, а не твердую пищу (Евр. 5:12—13). Как средневековая, так и классическая русская культура была культурой «высокого слова», и определялось это постоянными обращениями русской литературы к своим высоким истокам.

Авторы, стоявшие у истоков русской словесности, видели в слове сущность обозначаемого им явления, в имени Божьем — самого Бога. Поэтому слово, обозначающее священное явление, с их точки зрения, так же священно, как и само явление. Слово было сущностью явлений. Назвать вещи — значило понять их. С этой точки зрения языку церковных писаний отводилась первенствующая роль в познании мира. Познать явление — значит выразить его словом, назвать. Об ином — немецком — подходе скажет в XVIII в. Ломоносов: «...литеры разбираются как зернь» [13, 213].

Ориентация на структуру и семантику богослужения была отличительной особенностью русской словесности — вплоть до одических текстов XVIII в. Да и обрядовая сфера светского церемониала по своим функциям смыкалась с литургическим действием. В петровскую эпоху получают развитие так называемые панегирические канты, которые, с одной стороны, восходили к литургическому пению, с другой — указывает Т. В. Зверева — включали в себя стандартные штампы: «Радуйся, Россие, радости сказую!», «Виват, Россія, именем преславна!» [12, 7].

«Сопряжение» церковнославянского и официозного стилей стало характерной чертой переходной эпохи. Переход от христианской словесности к литературе увенчался реформой русского правописания в самом начале борьбы против Церкви, церковного учения, против самого обращения русской словесности к ее истокам. Не духовной силы слова, но буквы оказываются основными носителями раздробленного смысла. Ломка языка естественного побуждала к созданию собственного, направляющего стихийную силу отдельных букв. Корпус литературных произведений складывался в направлении, именуемое «социалистическим реализмом», литературоведение планомерно занималось трансформацией русской классики, искажая слова, обозначающие сакральные явления.

В подготовительных материалах к роману «Бесы» в 30 томном собрании сочинений Ф. М. Достоевского читаем: «Мир станет красота Христова» (11, 188). И только кропотливая работа петрозаводских филологов по изданию произведений Ф. М. Достоевского в авторской орфографии и пунктуации позволила восстановить авторский текст: «Мир спасает Красота Христова» [10, 15]. Таким образом, Сын Божий отождествляется с красотой, подобно тому, как отождествляется со светом и истиной. В «Записной тетради 1876—1877 годов» Достоевский писал: «Христос — 1) красота, 2) нет лучше, 3) если так, то чудо, вот и вся вера...» (24, 202).

Истинная красота в понимании Достоевского тождественна Богу. Другими словами, мысль «мир спасет красота» является признанием того, что Христос есть Спаситель мира. Часто приходится встречать в исследованиях указания на святых отцов, в трудах которых встречается эта мысль, и затем искать, как эта мысль проявилась в творчестве писателя [6], [5], [7], [8]. Но ведь эта мысль звучит и в храме, звучит каждый день — в богослужебном слове. Вот стихи из псалма 26:

Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся?.. Едино просих от Господа, то възму: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего: зрети ми красоту Господню, и посещати храм святыи его².

Эти слова располагают к мысли о нерукотворенном, богозданном, словесном храме Божиим — человеку — и о богослужении, какое в нем должно отправляться. Этот жизненный устав фор-

мировался на Руси веками на основании информации, которую человек принимал в свою жизнь. На этом основании он созидал, строил свой образ жизни, чтобы в конечном результате преобразиться в реальном, существенном при общении Богу всего просветленного человеческого существа.

«Я утверждаю, — писал в 1880 г. в своем “Дневнике” Ф. М. Достоевский, — что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: “Он учения Христа не знает, и проповедей ему не говорят”, — но это возражение пустое: все знает, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: “Господи сил, с нами буди”» (26, 168).

Евангельское учение о Христе как Воплощенном Слове Бога определило ту исключительную роль, которую играло в русской культуре слово богослужбное: это и многочисленные цитаты, образы и сюжеты из текстов Библии в светской литературе, это и исключительная роль церковнославянского языка и церковнославянизмов и т. п.; можно при вести высказывание Ю. М. Лотмана об особом отношении к литературному слову, к писательскому труду в русской культуре, не только средневековой, но и в Новое время (вспомним пушкинское стихотворение «Пророк», вспомним знаменитое высказывание «поэт в России — больше, чем поэт»); такое отношение, пишет исследователь, «естественно вытекало из средневеково религиозного представления о природе Слова» [14, 132] (т. е. божественной природе слова Евангельского, слова Христа).

Обращение к литургическому слову позволяет распознать сокровенные тайны русской литературы. В Евангелии есть сюжеты о жизни Христа и есть слово Христа, в котором он призывает вспомнить пророческое слово, насыщенное архетипами. Характерно, что в богослужении чтение о жизни Христа начинается словами «во время оно», а его притчи начинаются со слов «рече Господь». Один текст побуждает припоминать, другой — понимать. Евангельское и богослужбное слово ждут рассмотрения норм, ценностей, мотивов (кстати сказать), обычаев с точки зрения Христа, но бытует и прочтение евангельского слова с позиции вне его системы. Так же — и в подходе к художественному слову.

Художественное слово в пушкинской традиции, справедливо противопоставляемой А. Михайловым реализму [16, 509], включает в себя пласты, обращенные к внутреннему слуху читателя. Письменный же текст несет на себе след интонации, которая ощутима, начиная со «Слова о Законе и Благодати» на всем пути «обретения русским реализмом Истины, которая явлена Христом, и “бѣ Слово”» [11, 20].

Изучение литургического слова открывает принципиальное значение Евангелия как Писания и богослужбных текстов как Предания в русской литературе. Участие в богослужении рождает слова;

сбивчивые и неканоничные, они принадлежат другому уровню бытия, потому что обращены к Сущему, отвечающему всему сущему на земле, готовому к рождению в муках нового бытия. Сущий отвечает на мольбу Мармеладова: «Господи, да придет Царствие твое» (6, 21), являясь в романе Достоевского «Преступление и наказание» в таинстве Причастия. Свидетелем этого оказался Раскольников, который, сходя вниз по лестнице «весь в лихорадке, и, не сознавая того, полный одного, нового, не объятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни», просит Поленьку молиться о «рабе Родионе» (6, 146—147). Раскольников говорит не «о рабе Божиим» с чувством блудного сына («я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим», Лк. 15:21), а просит помянуть «раба Родиона — и больше ничего»: в притче блудный сын завершает обращение: «...прими меня в число наемников твоих». С этой сцены Достоевский ведет своего героя к началу новой жизни, подобно автору Великого покаянного канона святителю Андрею Критскому: с последовательностью, мягкостью и искренностью. Покаянию Раскольникова в эпилоге предшествует Великий пост, в течение которого дважды читается канон Андрея Критского, в котором вначале только констатируется состояние души, далеко ушедшей от Бога.

Авелеве, Иисусе, не уподобихся правде, дара Тебе приятна не принесох когда, ни деяния божественна, ни жертвы чистыя, ни жития непорочнаго [15, 6].

Сначала — лишь утверждение, только указание на то, чего нет у человека, только желание показать, как душе хорошо, когда у нее есть жертва чистая, и благодатное состояние... Здесь — еще ни одного покаянного возгласа: душу надо привлечь к красоте Божественной жизни, не запугав, не удалив ее.

Уже в конце своего произведения преподобный Андрей Критский только воскликнет, вспоминая благоразумного разбойника:

Но, о Благоутробне, яко верному разбойнику Твоему, познавшему Тя Бога, и мне отверзи дверь славнаго Царствия Твоего [15, 6].

Так, по написании всего канона автор его умолял, чтобы ему сравняться с разбойником.

Человек, вникающий в уроки преподобного Андрея, узнает нечеловеческий ему путь спасения. Читатель Достоевского, знакомый с литургической практикой, узнает не призрачный, не гордый, не восхищающий явления внутреннего мира, но путь очищения души, покаяния, сознания своих неправд и отрицания их. Мысленное обращение Раскольникова: «Господи, покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!» (6:50) свидетельствует, что ему известны слова псалма:

Укажи мне, [Господи] путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою (Пс. 142: 7—8).

Знакомые с детства, как и любому гимназисту, эти слова вновь оказываются востребованными.

Известна степень интеллектуального и эмоционального потрясения юного Бальмонта, прочитавшего «Преступление и наказание». В автобиографическом рассказе «Ливерпуль» (1909) он признается:

Книга эта, словно ночное зарево, осветила все в душе моей тревожным светом и звала меня, гнала куда-то, точь-в-точь как зовет и гонит проснувшегося перебоем звучащий ночной набат [2, 285].

«Гнала куда-то», «дала больше...» — эти абстракции требуют существенного пояснения — гораздо более широкого, нежели в рамках очередного — в процессе «эволюции творчества» Бальмонта — его увлечения тем или иным религиозным или философским воззрением.

В. Макаров, безусловно, прав, отмечая, что «Бальмонт как дитя дostoевской эпохи, отличался от великих своих европейских и иных учителей и кумиров: в нем жила вера» [15, 6]. Эта вера дала изумительно щедрые плоды в 20-х гг., когда обращение к Достоевскому стало постоянным. «Если брать лучезарные имена, — пишет Бальмонт в очерке «О Достоевском», — с одним только именем можно поставить в уровень имя Достоевского. Одно явление на свете польского гения Коперника означает, что вся звездная наука, до него существовавшая, опрокинута безвозвратно, и люди приблизились к небесной правде. Одно явление на свет Достоевского означает, что все прежние пути художественного приближения к правде душ опрокинуты и указана совершенно новая дорога. В этом Достоевский — один, как одна над побежденной грозой стоит радуга. Рядом с истинной радугой бывает иногда другая, но она призрачно бледна и быстро тает» [4, 198—199].

В поэтических текстах Бальмонта радуга, наряду с солнцем, всегда служила средством воспевания славы Творцу, а в цикле «Славословие» (1927) дарами Божиими предстают и сами слова, создание каждого из которых мыслится поэтом как исключительно чудесное литургическое событие в обращении к Создателю от сообщества работающих на Его ниве и трепетно внимающих («Я и Отец — одно») Его гласу:

Повеет ветер, повеет, взвейный, Лиловый цветик весь в мед источится, И гул по лесу пройдет лелейный, Отец, к Родному так сердцу хочется.

Каждое из стихотворений цикла предваряется эпитафией: «Дверь» — «Я и Отец одно», «В явном и тайном» — «...Тебе поет солнце...», «Ризы» — «...Тебе присутствуют звезды...», «Перезвоны» — «...Звон при церкви...», «Источники» — «...источники в дебрех...», «Работница» — «...В пустыни Иоанна Крестителя Твоего дивным медом воспитати благоизволил еси...». Первый эпитаф взят из Евангелия от Иоанна, последующие — из Третьяка [3, 84—89].

Всеобъемлющие изменения, духовные и общественно исторические, которые принес XX в., проникали в мельчайшие поры действительности, внушая необходимость говорить о текущем, об отдельном и личном с точки зрения века, мира, бытия вообще, настойчивое

стремление осмысливать жизненный процесс в свете универсальных начал существования. В русской литературе рубежа веков опорой на этом пути стал, прежде всего, Достоевский, в творчестве которого литургийные начала не просто глубоко внедрены в поток исторической жизни, но и властно управляют ею. Если и можно назвать несколько имен отважных личностей XX в., которые бросились вслед за Достоевским в лирическую бурю «реалиста в высшем смысле», то Бальмонт должен быть назван среди первых.

Если поэты романтики, ценившие более всего «поэзию «утреннего часа», поэтизировали младенствующее и первичное, Бальмонт воспекает детство чада Божия, воспринимаемая его как «первослово», этимон человеческой жизни и личности, лишенной какой-либо субъективной характеристики, предстающей в своей изначальной — райской — содержательности и непосредственности. Во всех стихотворениях цикла «Славословие» «Я» эпитафия и «Я» текста звучат в унисон. Авторское слово включается в эпитафию и становится словом двуголосым — антифонным — и однонаправленным. Выбор Бальмонтом речений, давно ставших неотъемлемой частью национально культурного сознания, позволяет говорить о создании им в цикле «Славословие» духовной биографии христианина, пережившего второе крещение в покаянии.

И. А. Есаулов отмечает, как «понимание заложенного в национальном сознании следования заведенному и освященному христианской традицией порядку, Закону, и обретение Благодати коренным образом изменяет представление об общем фоне действия в художественном произведении» [9]. И дело не в одних только реминисценциях, дело и в организации фраз, актуализующих претекст. Е. А. Осокина указывает:

Внутри текста все фразы, в том числе, и продолжительные, организованы по принципу параллелизма, находясь в смысловом, синтаксическом и ритмическом соответствии: вопрос — ответ, теза — антитеза или развертывание ее. В общей структуре действует принцип тропирования, то есть актуализации канонического текста³.

Не может быть ничего без общей презумпции. Е. А. Осокина, как мне представляется, исходит из общей презумпции: язык предшествует тексту, текст порождается языком, поскольку же «в само понятие текста включена осмысленность, текст по своей природе подразумевает определенную закодированность. Следовательно, наличие кода должно полагаться как нечто предшествующее» [1, 26].

Распознавание этого кода в смене говорящих субъектов и позволяет вскрывать глубинный бесконечный смысл. В начале становления русского народа было Слово, и истина является там, где звучит Слово:

Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви тя стаду твоему я же вещей истина [3, 84—89].

В этом величании святителю Николаю Чудотворцу явлено, что есть назначение слова: славить, являться отличительным способом,

каким истина становится существующей и тем самым сбывается в истории. По Хайдеггеру, «перед картиной Ван Гога остановится тот, для которого изображение двух истоптанных башмаков есть подлинный зов сущего», которое «выступает в непотаенность своего бытия. В произведении искусства действительно произведена истина сущего» [14, 132]. На самом деле здесь речь идет о процессе воображения, продуцировании образов, их трансформации в процессе творения — об имажинации, произведении из себя новой действительности взамен целостного словесно письменного духовного явления, в котором зовом сущего являются посох Сергия Радонежского, сухарики Серафима Саровского. Специфика русской словесности обусловлена ее стремлением к духовному — литургическому — освоению мира.

Примечания

- * Статья выполнена в рамках исполнения государственного контракта П662 «Литургическое слово в русской литературе» по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2011 гг.».
- ¹ Повесть временных лет. Цит. по: Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М.: Худож. лит., 1978. С. 122—124.
- ² Навечерие Богоявления. Великие часы. Текст службы // Электронный ресурс — Православный календарь (<http://days.pravoslavie.ru/rubrics/canon619.htm?id=619>).
- ³ Троица Постная. М.: Правило веры, 2000. С. 311—328.

Список литературы

1. *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 560 с.
2. *Бальмонт К.* Автобиографическая проза. М.: Алгоритм, 2001. 605 с.
3. *Бальмонт К.* Где мой дом: стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. М.: Республика, 1992. 448 с.
4. *Бальмонт К.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Книговек, 2010.
5. *Буланов А. М.* Святоотеческая традиция понимания «сердца» в творчестве Ф. М. Достоевского // *Христианство и русская литература*. СПб.: Наука, 1994. С. 270—306.
6. *Бурова Ю. В.* Библейские и святоотеческие основания творчества Ф. М. Достоевского как историко-культурного феномена: Дис... канд. ист. наук: 24.00.01: Саранск, 2004. 182 с.
7. *Гаричева Е. А.* «Христос воскресил меня». Категория преображения личности в романах Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/080704145217.htm> (дата обращения: 22.12.2011).
8. *Грищенко И. А.* Святоотеческое учение и творчество Ф. М. Достоевского: параллели // XII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры (Минск 24—26 мая 2006 г.): Материалы чтений «Церковь и социальные проблемы современного общества» / Ин-т теологии им. свв. Мефодия и Кирилла; Бел. гос. ун-т культуры и искусств; Отв. ред. и сост. А. Ю. Бендин. Минск: Ковчег, 2007. С. 58—71.
9. *Есаулов И. А.* Национальное самосознание в русской классической литературе и его трансформации в отечественном литературоведении. Трансформации русской классики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://transformations.russian-literature.com/nacionalnoe-samosoznanie-v-russkoj-klassicheskoj-literature-i-egotransformacii-v-literaturovedenii> (дата обращения: 12.11.2011).

10. Захаров В. Н. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 3—26.
11. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. С. 5—20.
12. Зверева Т. В. Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. 40 с.
13. Ломоносов М. В. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1980. 512 с.
14. Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллинн: Александра, 1993. С. 127—137.
15. Макаров В. Крылан (Поэзия как волшебство) // Бальмонт К. Д. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Книговек, 2010. С. 5—18.
16. Михайлов А. В. Языки культуры: риторика и история искусств. Ключевые слова культуры. Самоосмысление гуманитарной науки. Учебное пособие по культурологии. М.: Языки русской культуры, 1997. 909 с.

Avetis Serezhaevich Seropyan

*Ph.D in Culturology, Senior Lecturer,
Department of Culturology and Literary Studies,
Shuya State Pedagogical University
(Shuya, Russian Federation)
serpantin58@mail.ru*

LITURGICAL TEXT IN RUSSIAN LITERATURE. PROBLEM STATEMENT

Abstract: The article analyses artistic expressions of liturgical language in the literary text and its interaction of the Holy Tradition. Many Russian authors knew the liturgical text well. Studying it reveals the crucial meaning of the Gospel and liturgical texts (as part of the Holy Tradition) for Russian literature. Authors saw the essence of every phenomenon in the word for it, and the nature of God in His name. Some ideas and sayings of the authors and their characters find their sources in liturgical texts. The article focuses on liturgical sources of some characters' commemorations and invocations, as well as poetical topics of the symbolists, Dostoevsky's famous dictum on beauty which will save the world (*The Idiot*), etc. De-cyphering this liturgical code will help us learn and comprehend the hidden endless meaning of a literary text. The specific feature of Russian literature is its pursuit of the spiritual liturgical exploration of the world, an exploration when truth takes shape and thus becomes real in both literary text and history.

Keywords: liturgical word, text, literary process, archetype, language, beauty

References

1. Andreeva-Bal'mont E. A. *Vospominaniya [Memories]*. Moscow, The Sabashnikovs' Publ., 1997. 560 p.
2. Bal'mont K. *Avtobiograficheskaya proza [Autobiographical Prose]*. Moscow, Algoritm Publ., 2001. 605 p.
3. Bal'mont K. *Gde moy dom: stikhotvoreniya, khudozhestvennaya proza, stat'i, ocherki, pisma [Where is my Home: Poems, Artistic Prose, Articles, Essays, Letters]*. Moscow, Respublika Publ., 1992. 448 p.
4. Bal'mont K. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh [The Collected Works: in 7 Vols.]*. Moscow, Knigovok Publ., 2010.

5. Bulanov A. M. Svyatootecheskaya traditsiya ponimaniya «serdtsa» v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [Patristic Tradition of the “Heart” Understanding in the Works by Fyodor Dostoyevsky]. *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 270—306.
6. Burova Yu. V. *Bibleyskie i svyatootecheskie osnovaniya tvorchestva F. M. Dostoevskogo kak istoriko-kul'turnogo fenomena. Diss. ... kand. ist. nauk* [Biblical and Patristic Basis of Fyodor Dostoyevsky's Art Work as a Historical and Cultural Phenomenon. PhD. histor. sci. diss.]. Saransk, 2004. 182 p.
7. Garicheva E. A. «Khristos voskresil menya». Kategoriya preobrazheniya lichnosti v romanakh F. M. Dostoevskogo [“Jesus Christ Raised Me”. Category of Personality Transformation in the Novels by Fyodor Dostoyevsky]. *Internet-zhurnal Sretenskogo monastyr'ya* [Internet Journal of Candlemas Monastery]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/080704145217.htm> (accessed 22.12.2011).
8. Grishchenko I. A. Svyatootecheskoe uchenie i tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: paralleli [The Patristic Teaching and the Art Work of Fyodor Dostoyevsky: Parallels]. *XII Mezhdunarodnye Kirillo-Mefodievskie chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury* [The 12th International Cyril and Methodius Readings Dedicated to the Days of Slavic Literature and Culture]. Minsk, Kovcheg Publ., 2007, pp. 58—71.
9. Esaulov I. A. *Natsional'noe samosoznanie v russkoy klassicheskoy literature i ego transformatsii v otechestvennom literaturovedenii. Transformatsii russkoy klassiki* [National Consciousness in the Russian Classical Literature and its Transformation in the National Literature. Transformations of Russian Classics]. Available at: <http://transformations.russian-literature.com/nacionalnoe-samosoznanie-v-russkoy-klassicheskoy-literature-i-egotransformatsii-v-literaturovedenii> (accessed 12.11.2011).
10. Zakharov V. N. *Tekstologiya kak tekhnologiya* [Textology as a Technology]. *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo* [The Problems of Fyodor Dostoyevsky's Textology]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, issue 1, pp. 3—26.
11. Zakharov V. N. *Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy)* [Christian Realism in Russian Literature (the Statement of Problem)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001. Vol. 6: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vekov: tsitata, reminitsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of 18th—20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 3, pp. 5—20.
12. Zvereva T. V. *Vzaimodeystvie slova i prostranstva v russkoy literature vtoroy poloviny XVIII veka. Avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk* [The Interaction of Word and Space in Russian Literature of the Second Half of the 18th Century. PhD philol. sci. diss. abstract]. Izhevsk, The Udmurt State University Publ., 2007. 40 p.
13. Lomonosov M. V. *Izbrannaya proza* [Selected Prose]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1980. 512 p.
14. Lotman Yu. M. *Russkaya literatura poslepetrovskoy epokhi i khristianskaya traditsiya* [Russian Literature After Peter the Great and the Christian Tradition]. *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i: v 3 tomakh* [Selected Articles in 3 Vols. by Yuri Lotman]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, vol. 3, pp. 127—137.
15. Makarov V. *Krylan (Poeziya kak volshebstvo)* [Fruit Bat (Poetry as Magic)]. *Bal'mont K. D. Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [The Collected Works in 7 Vols. by Konstantin Balmont]. Moscow, Knigovok Publ., 2010, vol. 1, pp. 5—18.
16. Mikhaylov A. V. *Yazyki kul'tury: ritorika i istoriya iskusstv. Klyuchevye slova kul'tury. Samoosmyslenie gumanitarnoy nauki* [Languages of Culture: Rhetoric and History of Arts. Keywords of Culture. Self-understanding of the Humanities]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 909 p.